

Чу Нянь не преминул колко ответить Чу Яню, и у него на душе сразу полегчало. Заметив, что тот прикусил губу и явно собирается что-то еще сказать, Чу Нянь поспешно отвернулся. Тратить на него слова — только время терять!

— Ладно, хватит вам гадать.

Не дожидаясь, пока кто-то из них снова начнет спорить, он решил выложить всё сам:

— Вы, небось, забыли: с того самого дня, как восьмой брат начал ходить в школу, я всегда прибирал его рабочий стол. Сколько книг на нем лежало и сколько иероглифов он выводил каждый день — я знал лучше вашего. Его старые прописи, которые он выбрасывал после тренировок, я подбирал и сам учился по ним, выводя на земле палочкой те же знаки.

Когда он в комнате громко зубрил уроки, я сидел под окном, стирал одежду или крошил корм для свиней. Слушаешь это день за днем, хочешь не хочешь — а выучишь.

Сказав это, он намеренно замолчал и с подчеркнутым презрением окинул взглядом мужчин, возомнивших себя великими учеными, а затем, глядя прямо на старика Чу, без обиняков добавил:

— Скажу неприятную правду: если бы у меня была возможность ходить в школу, в клане Чу уже давно появился бы цзюйжэнь. К чему вам было тратить столько сил и надежд на этих бездельников?

Как только эти слова сорвались с его губ, все присутствующие, когда-либо посещавшие школу, разом вскочили со своих мест, негодуя.

Чу Цинъюнь воскликнул:

— Ты... что ты такое несешь!

Чу Баоэ вторил ему:

— Четырнадцатый, ты совсем страх потерял!

— Ты нарываешься на взбучку? Глядите-ка, подписал грамоту о разрыве родственных связей и возомнил невесть что! Ты... — Чу Дацин снова замахнулся палкой, желая показать свою власть.

Чу Нянь резко вскинул руку, обрывая выкрики разъяренной толпы, и с предельной серьезностью добавил:

— Чтобы соответствовать Сун Шиюаню, за последние три месяца я еще и писать стихи научился. Так что составить грамоту о разрыве связей, где не нужно никаких особых навыков,

для меня проще простого — сущий пустяк.

Объяснения, которых они требовали, даны. Если после таких слов они до сих пор ничего не поняли, то это уже их проблемы.

— Пир не длится вечно. Я наелся, пойду к себе. Продолжайте без меня!

Бросив это, он развернулся и ушел. Ему не терпелось вернуться и заняться свежей раной: в этом мире нет вакцин от столбняка, так что, если не хочешь заражения, нужно вовремя всё промыть и наложить качественную мазь. У него еще оставалось немного припасов, грех было ими разбрасываться.

Пока он не скрылся из виду, всё семейство так и оставалось сидеть, погруженное в свои мысли, не в силах прийти в себя. По словам Чу Няня выходило, что он не только умеет читать и писать, но и делает это лучше тех, кто годами посещал школу. А главное — он выучился всему сам. Это было не только самовосхваление, но и пощечина всем грамотеям в доме: выходит, обычный гэр, учившийся по самоучителю, превзошел то, чему их учили наставники.

Видя, как он просто уходит, каждый присутствующий отразил на своем лице целую бурю эмоций — всё, что они думали, было написано у них на лицах. Госпожа Чу скрежетала зубами, не сводя с Чу Няня ненавидящего взгляда. Ей не раз хотелось броситься вперед и растерзать этого мальчишку, а теперь, видя, как он нагло разгуливает перед ними, она чуть не раскрошила свои желтые зубы.

— Как он посмел! Ты... старый осел, как ты мог позволить ему добиться своего! — она била себя в грудь и указывала пальцем на старика Чу. Никто в семье не соглашался на это, но именно глава дома сглупил, вот и дал этому наглецу повод вести себя так вызывающе.

Он ведь себя чуть ли не святым выставил! А ведь любой из её сыновей или внуков лучше него. Нахватался верхушек тайком — и возомнил себя бог весть кем, разве это дело?

Старик Чу, услышав это, тут же парировал:

— А если бы не позволил, кто бы выложил восемь лян серебра?

Старуха ведала деньгами, и у них всегда было правило: только входящие, никаких исходящих. Заставить её расстаться с серебром — всё равно что лишить жизни. Чу Нянь был прав: если бы они не смогли отправить его в семью Чжан, одним возвратом подарков дело бы не ограничилось — пришлось бы выплачивать неустойку, чтобы хоть как-то замять конфликт. Таких убытков они бы не вынесли.

— Разве это одно и то же? Он нарушил сыновний долг, поднял бунт! Что люди скажут? — госпожа Чу, конечно, не собиралась раскошеливаться, но и оставить всё как есть, проглотив такую обиду от какого-то гэра, была не в силах. Теперь всякий раз, вспоминая этот вечер, она

будет закипать от злости.

Старик Чу холодно фыркнул:

— Мало ли что скажут люди. Главное, чтобы семья Сун была довольна.

Отдать его в другую семью, да еще и разорвать с ним связи — в семье Сун только обрадуются, что всё прошло гладко. А клан Чу сможет и дальше спокойно жить в деревне Линцюань. Остальное не так важно.

— Ты... да как тебе вообще что-то втолковать! — госпожа Чу поняла, что все её слова как об стенку горох, и в сердцах опустила на стул.

— Хватит болтать! Дело сделано. Как только он уйдет, для клана Чу его больше не существует. Никто не смеет произносить его имя.

Проревев это, старик Чу грозно обвел всех взглядом, предупреждая:

— Если кто-то хоть раз заикнется о нем — вышвырну из дома вслед за ним!

Бросив это, он с глубоким разочарованием посмотрел на своих детей и внуков, развернулся и, заложив руки за спину, ушел к себе. Слова Чу Няня действительно ранили: среди них нет ни одного толкового ученика, в школе только время теряют, зато набрались скверных привычек. И надо же было такому случиться: единственный талантливый самородок оказался гэром! Что за напасть такая?

Глава дома ушел, и остальные наконец выдохнули. Ху Ляньсян, то ли от слов Чу Няня про мать, которая родила, но не воспитала, то ли еще от чего, сидела, потерянная и безучастная. Заметив, что окружающие начали шептаться, обсуждая Чу Няня, она вдруг вскочила, бросила взгляд на Чу Яня и, не сказав ни слова, ушла.

Вторая и третья невестки, по натуре язвительные и желчные, если бы не старик Чу, давно бы подняли шум и раздули пожар. Сейчас они тоже хотели вставить свои пять копеек, но, увидев, что Ху Ляньсян так скоро удалилась, сочли это скучным и прикусили языки.

Чу Дацин, получив пару раз нагоняй от отца, больше не смел вступать, но внутри него кипела злость. Он был поражен тем, как основательно Чу Нянь подготовился к разрыву связей. Семнадцать лет тот был в доме хуже тягловой скотины, и он думал, что так будет всегда. Кто бы мог подумать, что из-за одного сватовства он взбунтуется?

Самое главное — как этот мальчишка вообще додумался до такого? Мало того, что потребовал ответа, так еще и грамоту о разрыве связей составил! Как гэр мог до этого дойти? А то, что его собственный гэр оказался грамотным — это и вовсе не укладывалось в голове. Как он умудрялся скрывать это всё время?

Его недоверие было написано на лице. Больше всего его уязвляло то, что он потерял отцовский авторитет. Детский сад! Смех, да и только! И что самое непонятное — почему отец вообще согласился? С чего вдруг такая честь?

Видя, что жена ушла, он бросил кочергу и, не проронив ни слова, побрел прочь. Позор, да и только — что тут еще говорить?

Что до второго и третьего дядьев Чу Няня, они никогда особо не интересовались этим племянником. Тот всегда был тише воды ниже травы, и его внезапный взрыв действительно ошеломил. Но, в конце концов, это был сын старшего брата. Если отец и мать не могут с ним справиться, значит, так тому и быть. Раз старик не хочет больше с ним возиться и выгнал из клана — ну и ладно.

К тому же, фраза Чу Няня о том, что он всему научился сам, обесценила все их собственные десять лет упорной учебы. Зачем им такой племянник? Лишнее напоминание о том, как бездарно они потратили время?

Ушел — и скатертью дорога. Старик поступил мудро...

<http://bllate.org/book/22371/2346373>